

ЮБИЛЕЙ

Неукротимая — 55 лет уже укрощает ее муж-режиссер. Строптивая — ее уважают и немного побаиваются коллеги. Не привыкла прятаться за чужими спинами — всегда вызывает огонь на себя. У нее были большие перемены. Одна из таких сейчас — в театре, в кино. Жизнь без сцены для нее — ад. Но она помнит имя свое. Людмила Касаткина — это ко многому обязывает. Величина абсолютного масштаба. Железная леди русского театра. Кипучая, могучая, никем не победимая. И все такая же молодая. 15 мая Людмила Ивановна Касаткина отметит 80-летие. Те, кто знает актрису хорошо, отказываются в это верить.

есть судьба. Человек сложный: много повидала, она может быть жесткой, даже жестокой, в своих оценках — непримиримой. Но лучше я вам скажу, что в ней прекрасно: она никому не навязывает свои проблемы. Со стороны — всегда жизнерадостная. Хотя, я вижу, что у нее проблема. Но я и вижу, как она умеет мне это не навязывать. Для меня это в ней самое дорогое.

Наталья Гвоздикава ("Большая перемена", 1972—1973 гг.):

— Я тогда только закончила институт, и Касаткина казалась для меня божеством. Первое, что меня поразило в ней, — ее уверенность в себе. Взять хотя бы финал картины: Людмила Ивановна хватает кавалера и в вихре вальса как бы дает всем пример: вот как надо делать, ребята, да-вайте! Точно такая же она и сейчас. Когда в Доме кино мы отмечали 30-летие "Большой перемены", Людмила Ивановна рвалась к микрофону. Свой темперамент она сохранила по сей день.

УКРОТИТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕНИ

Людмила Касаткина и в 80 моложе иных 20-летних

Нина УРГАНТ ("Укротительница тигров", 1954 г.):

— Самое яркое впечатление о той картине — безудержный страх. Это была первая моя работа, и все, что я сделала, я сделала с перепугу. А Касаткина... Мне казалось, что она самая красивая и самая талантливая. А я — полная швабра рядом с ней. Лишний раз старалась к ней не подходить. Недавно отмечали юбилей фильма, а мы с Касаткиной лишь вдвоем остались из той картины — больше нет никого. Мне показалось, она совершенно не изменилась — такая же красивая и такая же талантливая. Изменилась я — перестала ее бояться.

Владимир Зельдин ("Укрощение строптивой", 1961 г.):

— Как сейчас помню: 1947 год, репетируем пьесу о молодоговардейцах "Первый гром". Приходит девочка: очаровательная блондинка, робкая — только после института. Ее, как водится, определили в массовку. Но, за неделю до премьеры заболела актриса — исполнительница роли Оксаны. Главреж сказал ассистенткам: "Будет играть она" — и показал на Касаткину. На комиссии свой отрывок Люда сыграла фантастически. Тот спектакль стал ее первым в театре. У Касаткиной было много блистательных работ. Жаль, у большой сцене Люда не играет уже 8—9 лет... К сожалению, у Люды хронический бронхит, какое-то время она покуривала. Всегда твердил ей: "Что ты делаешь? Актриса не должна курить!" "Да-да-да, — говорит, — брошу". А не так давно видел ее мужа Сережу Колосова, спрашивал о ее самочувствии — говорит: бросила курить.

Александр Лазарев ("Вызываем огонь на себя", 1963—1964 гг.):

— Фильм — выдающийся. Об этом говорил и Сергею Николаевичу, и Людмиле Ивановне. Ведь Аня Морозова — просто уникальный случай, когда история подвига подпольщицы была обнародована уже после исполнения актрисой роли. С Людмилой Ивановной играть было очень... не люблю слово "волнительно" — ответственно. Она не позволяет никакого снисхождения ни к себе, ни к партнерам. Сложность в характере, во взаимоотношениях, какие-то разговоры — все это для меня не имеет никакого значения. А кто из нас легкий? Легкий — простой незамысловатый артист. А с такой актрисой... Да, сложно. Ну и что же? Потому что она такая.

Армен Джигарханян ("Операция "Трест", 1967 г., "Раскол", 1993 г.):

— На съемочной площадке ведь как в бане — не скроешь ничего. Какой-то умный человек сказал: "Интересно не то, что актер играет, а что он скрывает". В этом плане Касаткина поразительно интересна. За ее игрой есть биография,

Людмила Иванова ("Помни имя свое", 1974 г.):

— Говорят, у нее трудный характер — на меня это не распространялось. Сколько раз перед тем фильмом мне говорили: не ходи сниматься — она премьерша, будешь играть спиной. Когда прочла сценарий, аж воскликнула: да и пускай спиной. Нелегкие были съемки — мы с Касаткиной, держась за руки, проплакали весь этот год. Снимали в Освенциме, в Польше, — переживали все по-настоящему. Особенно Людмила Ивановна историю матери и сына восприняла как собственную. Тем более что и ее настоящий сын был тогда болен, после гриппа получил осложнение на глаза, там же, в Польше, в госпитале лежал...

Светлана Дружинина, режиссер ("Принцесса цирка", 1982 г.):

— Она из тех актрис, которая, когда работает с партнером, очень настоятельно добивается от него тех отношений, хотя бы отголоска, которые существуют в картине. Например, у нас Пеликан (Басов) и Зеленый Попугай (Касаткина) влюблены друг в друга. Хотя и все время ссорятся. Нужно было видеть, как Людмила Ивановна внимательно, нежно, заботливо относилась к Басову. Как она его к себе приучала и как она его в себя влюбляла. А Басов, скажу я вам, человек был достаточно циничный, у него всегда были молодые жены. К тому же тогда он переживал непростой период: сына нужно было пристроить в институт, дочь — в балетную школу. Он мотался по Ленинграду, Москве, приезжал вечно раздраженный. А в результате, приходя на съемочную площадку, всегда говорил: "А где моя Людочка? Где мой Попугайчик?" И это далось ей непросто.

Карен Шахназаров, режиссер ("Яды, или Всемирная история отравлений", 2000 г.):

— Она всегда отстаивает свое мнение. Репетируем сцену, я говорю: "Людмила Ивановна, да-вайте без этой реплики". Молчит. Репетируем дальше: "И вот эту реплику можно вырезать". Снова молчит. Но когда в третий раз я решил убрать ее фразу, Касаткина взбунтовалась: "Карен Георгиевич, да вы что — вы так всю мою роль вырежете". Причем официально так ко мне обратилась — обычно-то она меня по имени зовет. "Вот увидите, — говорит, — я произнесу так, что они заиграют". И, знаете, в результате убедила. Иной раз смотрю на нее, поражаюсь: люди в 20 лет не имеют такой энергетик, как она. Дай бог ей здоровья.

Дмитрий МЕЛЬМАН.